

СПЕЦИФИКА ОЖИДАНИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СРЕДНЕГО КЛАССА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Л. И. Никовская

Институт социологии РАН

М. А. Молокова

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

Поступила в редакцию 16 апреля 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются качественные характеристики состояния российского среднего класса на основе вторичного анализа социологических исследований за период 2003–2014 гг., выявляются его представления о цивилизационном векторе развития российского общества в контексте современных геополитических вызовов, желаемом социально-политическом устройстве, особенностях организации социально-экономического и политического порядка, места и роли в нем гражданской активности. Показано, что взрослеющий средний класс предъявляет все более жесткие требования к качеству функционирования институтов в социально-экономической и политической сферах общества, что позволяет говорить о том, что социальное самочувствие среднего класса может выступать своеобразным индикатором качества трансформации российского общества в направлении формирования «экономики знаний» и демократической политической системы.

Ключевые слова: средний класс, трансформация, справедливость, гражданский активизм, институты, порядок, стабильность.

Abstract: the article discusses the qualitative characteristics of the Russian middle class on the basis of secondary analysis of sociological surveys over the period 2003–2014, revealed his understanding of civilizational development of the Russian society in the context of contemporary geopolitical challenges, desired socio-political structure, the peculiarities of the socio-economic and political order; the place and role of civil activity. It is shown that the growing middle class makes more stringent demands on the quality of institutions in socio-economic and political spheres of society, which suggests that social well-being of the middle class can act as a kind of indicator of the quality of transformation of the Russian society towards the «knowledge economy» and democratic political system.

Key words: the middle class, transformation, justice, civil activism, institutions, order, stability.

Вопрос о роли среднего класса – это всегда вопрос о формировании наиболее многочисленного, активного и обеспеченного слоя общества, создающего основу для формирования и поддержания стабильности социума. В последнее время западные источники все больше пишут о том, что именно средний класс заинтересован не просто в развитии, а в особом качестве этого развития – устойчивом развитии. Именно средний класс в странах с развитой рыночной экономикой и демократическим политическим строем, составляя наибольшую по численности социальную группу, выполняет ряд важнейших функций [1]. Главные из них – функции социального «стабилизатора» общества и источника воспроизводства квалифицированных трудовых ресурсов. Чем обширнее средний класс, чем меньше дифференциация между богатыми и бедными, тем стабильнее общество, лучше реализуется принцип социальной справедливости

в общественном развитии. Именно средний класс определяет качество человеческого потенциала страны, обеспечивает преемственность поколений и жизненных ценностей. Это связано не только с состоянием физического здоровья представителей среднего класса, но и с уровнем их образовательного и квалификационного потенциала, а также с такими их личностными особенностями, как инновационный потенциал, определенный характер ценностных предпочтений, особенности мотивации в различных сферах жизнедеятельности.

Являясь основной социальной группой экономически развитых стран, средний класс выполняет ряд очень важных социальных функций: *социального стабилизатора* – добившись определенного места в социальной структуре общества, представители среднего класса склонны поддерживать существующее государственное устройство, которое позволило им достигнуть такого положения; *административно-*

исполнительного регулятора – средний класс представляет основу механизма саморегуляции гражданского общества. Именно средний класс поставляет кадры для госслужбы и управленцев разного ранга – как для государственного аппарата, так и для бизнеса; *экономическую функцию* – средний класс производит большую часть доходов, выступая крупным потребителем, инвестором и налогоплательщиком; *функцию культурной интеграции* – средний класс заинтересован хранить, воспроизводить и распространять ценности, нормы, традиции и законы того общества, в котором он живет.

Расцвет становления среднего класса пришелся на середину XX в. Формирование во второй половине XX в. модели «государства всеобщего благосостояния» сделало гораздо доступнее профессиональное образование, в том числе высшее. Кроме того, оно обусловило быстрый рост сектора социальных услуг (здравоохранения, образования, культуры и т.д.) с высокой долей рабочих мест, предполагающих принадлежность занимающих их работников к среднему классу. Даже в промышленности численность «синих воротничков» росла медленнее, чем численность «белых воротничков» различных типов. В итоге к 1960 г. доля традиционных отрядов рабочего класса в структуре занятого населения во всех индустриальных странах резко упала и одновременно возросла доля занятых в сфере услуг, служащих и других работников нефизического труда. Но триумф среднего класса длился недолго. Начиная с 1980-х гг. внимание социологов привлекало не только усиление гетерогенности среднего класса, но и тенденция его сокращения в результате медленного роста среднего сегмента занятости на рынке труда при быстром росте верхнего и нижнего сегментов, отражающая «распад индустриализма». Эти процессы подтолкнули исследователей к новому этапу осмысления исторических судеб среднего класса. Например, известный социальный мыслитель М. Кастельс утверждает, что в результате происходящих в мире социальных процессов возникает новая общественная система, которая характеризуется тенденцией возрастания социального неравенства и поляризации, а именно одновременного роста «верхушки» и «дна» социальной пирамиды, что означает сжатие средних классов. Неравенство и поляризация предписаны самой динамикой *информационного капитализма* – новой эпохи развития человечества [2, р. 175]. Данный тренд подтверждают социальные исследования. Так, согласно докладу Международной организации труда (МОТ) тенденция сокращения доли среднего класса становится все более очевидной. Причина упадка этой социальной группы – нарастающее среди граждан экономически развитых стран расслоение по уровню доходов. С 2010 по 2011 г. оно выросло в 14 из

26 стран согласно исследованию МОТ (например, во Франции, Дании, Испании и США). «Особенно тревожная ситуация складывается в некоторых странах Европы, она начинает угрожать их экономическому и социальному устройству. Необходимо глобальное оздоровление экономики, ориентированное на продуктивные инвестиции в сочетании с более эффективной социальной защитой для самых бедных и уязвимых групп населения. Серьезное внимание следует обратить на устранение неравенства в доходах, которое продолжает расти во многих частях мира», – считает глава МОТ Гай Райдер [3]. Материальное неравенство в странах с развитой экономикой усугубляется всеобщим ростом безработицы. По прогнозам МОТ, число безработных в мире к 2015 г. увеличится на 8 миллионов человек и достигнет 208 миллионов.

В России не существует единого мнения по поводу определения среднего класса, границ его выделения и критериев конституирования. Рассмотрим несколько подходов к пониманию этого социального явления. По мнению О. И. Шкаратана, в России начала 2000-х гг. места среднему классу не было. Более того, при том типе общества, который сложился в России, и не могло быть, поскольку современное российское общество является позднеэтакратическим по своему типу (присущие этакратическому обществу отношения «власть – собственность» получили в нашем обществе частнособственническую оболочку, но остались, по мнению Шкаратана, неизменными по своей сути). В таком обществе среднего класса как несущей конструкции социальной структуры быть не может. В качестве критериев выделения среднего класса Шкаратан использует: 1) материальное положение (на основе самооценки, а также наличие определенного набора недвижимого и движимого имущества); 2) образование (не ниже среднего специального при условии владения иностранным языком или навыками работы на компьютере); 3) профессиональный статус (работники на профессиональных позициях, требующих по меньшей мере среднего специального образования); 4) качество жизни (экономическая компонента – использование платных медицинских и/или образовательных услуг для членов семьи, отдых на курортах, частных дачах, туризм в России и за рубежом; а также социокультурная компонента – наличие собственной библиотеки не менее 100 томов, не менее 11 культурно-досуговых мероприятий в год); 5) самоидентификация (самооценка собственного социального статуса не ниже 5 баллов по 10-балльной шкале); 6) круг общения (образование супруги/супруга или близкого друга не ниже среднего специального) [4, с. 48]. Шкаратан также отмечает, что те группы населения, которые теоретически могли бы составить основу среднего класса, в современ-

ной России оказались в тяжелом положении. Два возможных центра кристаллизации среднего класса – предприниматели и профессионалы – плохо поддерживаются проводимой государственной политикой.

Л. А. Беляева выделяет 3 социальные группы, различающиеся своей близостью к средним классам экономически развитых стран (при выделении групп использовались признаки самоидентификации и такие критерии, как уровень материального благосостояния и уровень образования):

1) средняя масса, которая состоит из тех, кто на основании самоидентификации отнес себя к среднему слою (является средним по уровню жизни и считает, что живет, как все);

2) российский средний класс, который был выделен по несколько иным критериям (по критерию самоидентификации – ее представители занимали средние позиции в обществе). Оценивая свое материальное положение, они отмечали, что им в основном хватает средств на жизнь, и только при покупке дорогостоящих предметов приходится брать деньги в долг. Кроме того, представители этой группы имели образование не ниже среднего специального;

3) идеальный средний класс, который характеризовался тем, что его представители субъективно относили себя к среднему классу, денег им хватало почти на все, но было недоступно приобретение квартиры, автомобиля или дачи, а уровень образования был не ниже среднего специального [5, с. 17]. По мнению Л. А. Беляевой, только третья группа относительно близка к средним классам развитых стран, поэтому говорить о наличии массового среднего класса в России еще рано.

Финский ученый М. Кивинен отмечает, что положение среднего класса в России на настоящий момент остается весьма слабым. Его представители должны характеризоваться как определенными профессиональными позициями, так и автономией труда, однако российские специалисты имели и имеют меньше самостоятельности в труде, чем специалисты в других странах. Кроме того, «новый» средний класс в России – исторически своеобразная группа, которая является наследником русской интеллигенции. Ее положение и структура специфичны, не соответствуют положению и структуре подобных групп в западных обществах [6, с. 18]. Автор приходит к выводу, что будущее среднего класса в России будет зависеть не только от общих тенденций в развитии общества, но и от собственного внутреннего становления как класса, его успехов в выработке собственных поведенческих стратегий.

Именно из-за различий в методологии определения и вычленения среднего класса внутри социальной структуры российского общества разными исследо-

вателями мы имеем различные оценки его общей численности в современном российском обществе – от 2–3 % до половины населения. При этом оценки западных экспертов относительно численности среднего класса в России оказываются даже более оптимистичными, чем оценки большинства российских специалистов.

Таким образом, суммируя ряд исследовательских баз [7; 8], можно выделить следующие критерии конституирования среднего класса:

1) социально-профессиональный статус – по критерию нефизического характера труда;

2) объем человеческого капитала – по критерию наличия по меньшей мере среднего специального образования;

3) экономический статус – по критерию среднемесячных душевых доходов – не ниже их медианных значений для данного типа поселения, или число наименований имеющихся товаров длительного пользования – не ниже их медианного значения по населению в целом. Этот критерий отражает сложившийся уровень жизни домохозяйства, не только текущие, но и накопленные со временем доходы;

4) идентификация своего статуса – по критерию интегральной самооценки индивидом своего положения в обществе по 9- или 10-балльной шкале от 4 баллов и выше. В то же время теоретическая строгость этого критерия вызывает серьезные сомнения, тем более что 2/3 тех, кто не попал в средний класс по критерию самоидентификации, обычно ставят себя на 3-ю «снизу» позицию на шкале статусов, что свидетельствует не столько об объективно низком социальном статусе, сколько о завышенных социальных притязаниях с вытекающим из них большим разрывом между желаемым и реальным статусом респондента.

Таким образом, *средний класс можно определить как наемных работников нефизического труда, не имеющих собственности на средства производства и продающих на рынке труда не просто свою рабочую силу, но и определенные знания и умения, а также обладающих специфическими формами социального взаимодействия и устойчивой средой обитания.* Средний класс является по своей природе сложным гетерогенным образованием, который стал массовым в индустриальный и позднеиндустриальный период общественного развития. Его становлению способствовали усложнение экономического производства, формирование третичного сектора экономики, а также особая политическая направленность развития политических систем социально-экономически развитых государств.

Если судить о динамике среднего класса за последние 10 лет в России, то она характеризовалась сначала *ростом его численности в период 2003–*

2008 г., затем ее сокращением во время кризиса 2008–2009 г. и восстановлением в 2010 г., после чего последовал новый этап ее небольшого роста. Согласно этим данным, средний класс вырос за период с 2003 по 2008 г. с 29 до 34 %, сократился до четверти населения в период кризиса и вновь вырос, достигнув к настоящему времени 42 % населения страны. Однако не все представители среднего класса однородны с точки зрения положения и устойчивости своих позиций в обществе. Наиболее стабильная группа среднего класса – его «ядро» – составляет на настоящий момент менее 40 % его общей численности, т.е. 16 % населения в целом. К так называемому «ядру» среднего класса относятся россияне, имеющие высшее образование, руководители, предприниматели и специалисты. Остальные представители среднего класса (26 %) относятся к «периферии» этого ядра. В него попадают работники средней квалификации, имеющие не только высшее, но и среднее специальное образование.

«Ядро» среднего класса в большей степени, чем остальные группы населения, формируется из потомственных горожан. Однако даже в его «ядре» большинство представителей – выходцы из «малой России», что, безусловно, оказывает существенное влияние на особенности их сознания и поведения. Тот факт, что более трети (37 %) представителей среднего класса в целом проходили первичную социализацию в селах или пгт, а еще 29 % – в городах с численностью населения менее 500 тыс. человек, надо обязательно иметь в виду, если ставить задачу его всестороннего и комплексного анализа.

В феврале 2008 г. руководством страны была предложена Программа инновационного развития России до 2020 г. Одним из положений данной программы стала задача увеличить долю среднего класса до 60–70 % населения. «Нам надо добиться, чтобы все граждане нашей страны, используя свои знания и умения, а там, где необходимо, – помощь государ-

ства, имели возможность получить качественное образование, поддержать свое здоровье, приобрести жилье, получить достойные доходы. То есть иметь уровень жизни, определяющий принадлежность к так называемому среднему классу... При этом дифференциация доходов семей должна сократиться с нынешнего абсолютно неприемлемого пятнадцатикратного разрыва до более умеренного» [9]. Однако планы государства реализуются не столь успешно. По результатам исследования РБК [10] в 2010 г. большинство представителей российского среднего класса были не уверены в своем будущем. Такая неуверенность была обусловлена тем, что в России до сих пор не создано оптимальных условий для развития среднего класса. Среднему классу мешают развиваться барьеры, связанные с коррупцией и отсутствием правовой защищенности, монополизация рынка, слабая поддержка малого и среднего бизнеса государством, высокие налоги, большая доля теневого сектора в экономике, наличие чрезмерной социальной дифференциации между бедными и богатыми. Эту ситуацию подтверждают и более глубокие исследования ИС РАН в 2014 г. [7]. Полученные данные свидетельствуют о нарастании негативных тенденций в положении среднего класса на рынке труда и возможностей его самореализации. За период с 2003 по 2014 г. в среднем классе заметно – с 36 до 15 % – сократилась доля тех, кто смог повысить уровень своего образования или квалификации, а также с 31 до 10 % – получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу. Но не это характеризует особенности среднего класса в современной России. Как видно из данных, представленных в табл. 1, «ядро» среднего класса более чем на 2/3 сосредоточено на предприятиях госсектора. Это означает, что частный сектор экономики предъявляет достаточно слабый спрос на высококвалифицированную рабочую силу.

Т а б л и ц а 1

Занятость на государственных, частных и приватизированных предприятиях представителей различных групп населения в 2014 г., % от работающих

Группы населения	Госсектор	Приватизированные предприятия	Вновь образованные частные предприятия	Прочие (ИТД, общественные организации и т.д.)
Все население в целом	42	26	20	12
Ядро среднего класса	68	13	12	7
Периферия ядра среднего класса	43	15	25	17
Потенциальный средний класс	49	13	20	18
Остальное население	24	43	22	11

Достаточно подробную характеристику состояния и качества развития среднего класса в современной

России дает сравнительный анализ его занятости по секторам экономики (табл. 2).

Занятость в различных отраслях и секторах экономики в России, Германии и Великобритании в 2012 и 2013 гг., % от работающих¹

Сектор экономики	Россия, 2013 г.	Германия, 2012 г.	Великобритания, 2012 г.
Первичный сектор:	9	3	1
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	7	3	1
Добыча полезных ископаемых	2	0,5	0,4
Вторичный сектор:	35	33	23
Обрабатывающие производства (промышленность)	15	23	13
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды; строительство, транспорт, связь	20	10	10
Третичный сектор:	30	30	38
Оптовая и розничная торговля, сфера обслуживания, включая ЖКХ и другие услуги	23	22	29
Госсправление, обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7	8	9
Четвертичный сектор:	26	36	38
Образование, наука, культура и пр.	17	23	26
Финансовая деятельность, операции с недвижимостью, информационные услуги и пр.	9	13	12

Сопоставление данных табл. 2 показывает, что и Германия, и Великобритания к началу 2000-х гг. уже начали переход к постиндустриальной модели развития, для которой характерна массовая занятость в четвертичном секторе. Большая часть рабочей силы в этих странах (36 и 38 % соответственно) работает сейчас именно в отраслях четвертичного сектора, который является «точкой роста» экономики развитых стран. Это неизбежно влечет за собой и рост в структуре их занятости доли профессионалов – фактически это единственная профессиональная группа, по которой в 2000-х гг. наблюдался существенный рост – с 13 до 18 % в Германии, с 13 до 19 % в Великобритании. В то же время в России население чаще всего (35 %) занято во вторичном секторе экономики, который включает занятость в промышленности, строительстве, транспорте, а также в области производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Следовательно, работающие в нем – в основном рабочие, т.е. представители группы, которая независимо от своего уровня доходов не относится к среднему классу (хотя при этом они вполне могут оказаться в составе среднедоходных слоев). Различия в занятости в России и развитых странах отражают, таким образом, тот факт, что российское общество находится пока в другой исторической эпохе, нежели ведущие

страны Запада, а именно – в эпохе *позднеиндустриального развития*. Именно для этой эпохи, как показывает исторический опыт, характерен быстрый рост среднего класса и превращение его в доминирующую в обществе социальную силу. Причем в составе данного класса именно на данном этапе относительно велика доля полупрофессионалов, клерков, служащих и других групп, т.е. представителей среднеквалифицированных «белых воротничков», и относительно ниже, чем это характерно для обществ с доминированием четвертичного сектора экономики, доля профессионалов. *Фундаментальное расширение среднего класса и его устойчивый рост возможны только при завершении в России позднеиндустриального этапа развития и начале перехода к постиндустриальной модели развития, т.е. развития в России «экономики знаний» на фоне диверсифицированной структуры экономики в целом.*

Своеобразное «топтание» на месте в процессе перехода к инновационному типу развития не могло не отразиться на качестве состояния человеческого капитала среднего класса. Как показывают последние исследования ИС РАН, россияне вообще и представители среднего класса в частности гораздо реже стали прикладывать усилия для наращивания и даже поддержания своего человеческого капитала. Само это наращивание стало в гораздо меньшей степени предопределять их карьерные перспективы, и в этих условиях их озабоченность возможностью приобретения новых знаний заметно снизилась. Причина всех этих негативных тенденций в области роста человеческого капитала среднего класса – завершение

¹ Данные по Германии и Великобритании приведены по Европейскому социальному исследованию (ESS – European Social Survey) за 2012 г. Данные по России рассчитаны на основе официальной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud10.xls)

структурной перестройки экономики, прекращение создания в массовом масштабе новых рабочих мест, требующих высококвалифицированного труда, и вытекающее из этого для работников сокращение возможности использовать дополнительные знания для карьерной мобильности. Людей с высшим образованием, имеющих навыки использования информационных технологий и хотя бы в какой-то степени знающих иностранные языки, в России сейчас больше, чем рабочих мест, где требуются эти характеристики человеческого капитала. В итоге они уже не гарантируют карьерного роста, выступая дополнительными «бонусами» скорее для работодателей, чем для работников.

Показателем ощущения непрочности своего социально-экономического положения является преобладание потребительской ориентации в социально-экономической активности среднего класса. Как свидетельствуют данные, российский средний класс, в отличие от его зарубежных «коллег», отнюдь не характеризуется относительно большей распространенностью у него *сберегательно-инвестиционных установок*, чем у остальных россиян. Доминирующей стратегией распоряжения свободными финансовыми активами у него выступает потребительская стратегия. При этом наблюдаются довольно существенные различия между «ядром» среднего класса и его «периферией» – в последней инвестиционно-сберегательные установки и поведение выражены еще слабее, чем в «ядре». Ведущая же роль принадлежит в

ней задачам «обеспечения выживания». Это свидетельствует об ощущении «периферией» среднего класса крайней неустойчивости своего условного благополучия, понимания необходимости создавать «страховой резерв» в условиях нестабильности и слабой предсказуемости социально-экономического развития, особенно в условиях кризиса.

Интересно отношение представителей среднего класса к вопросам социальной справедливости и неравенства: они в целом демонстрируют больший тренд отхода от патерналистско-уравнительного восприятия социального неравенства и справедливости. Определенная степень неравенства в обществе для них не просто приемлема, но даже желательна. В этом вопросе с ними солидарны и остальные россияне, хотя допустимая степень глубины неравенств в представлениях среднего класса больше. Однако эти неравенства должны отвечать представлениям среднего класса об их справедливости и легитимности: быть основанными на более эффективной работе или более высоком уровне образования в условиях, когда у всех были равные возможности для заработка. При этом такие проявления неравенств, как доступ к лучшему образованию или медицинским услугам из-за более высоких доходов для представителей среднего класса представляются скорее несправедливыми. И в этом они солидарны с мнением всего населения страны.

Весьма информативны полученные данные о представлениях среднего класса о желательном векторе развития страны (табл. 3).

Таблица 3

Лозунги, выражающие представления среднего класса и остальных россиян о желаемом будущем России в 2014 г., % (отранжировано по ответам представителей среднего класса)

Характеристики желаемого будущего России	Средний класс	Остальные россияне
Социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах	49	56
Возвращение России статуса великой державы	35	31
Возвращение к национальным традициям, моральным ценностям, проверенным временем	34	32
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	33	27
Обеспечение стабильности и развитие в обществе без революций и потрясений	27	29
Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	16	21
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	16	20
Решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством (экологических и пр.)	14	12
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	14	10
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	10	6
Новое революционное переустройство России	1	2
Ни один из этих лозунгов не выражает вашу личную мечту о будущем России	2	3

Как видно из табл. 3, представления среднего класса о желаемом будущем России в целом отражают ту картину, которая характерна и для всего российского общества. Эти представления четко выражают существующий в обществе запрос на *социально ориентированный мягкий консерватизм. Со значительным отрывом лидирует лозунг социальной справедливости, равных прав для всех и сильного государства* (отметим, что представители среднего класса в несколько меньшей степени, чем остальные россияне, поддерживают этот лозунг, хотя и среди них он является наиболее популярным – его выбрала половина его представителей при 56 % среди остальных россиян). Обращает на себя внимание тот факт, что представители среднего класса выступают за сбалансированное развитие страны: им, с одной стороны, не близки лозунги сильной и жесткой власти или революционного переустройства России; с другой – они не поддерживают идею свободного рынка с минимальным вмешательством государства в экономику. Сближение с Западом также не является для них приоритетом. Таким образом, вновь подтверждается вывод о стремлении среднего класса к «особому пути» России, который не совпадает с западным вектором общественного развития. По мнению его представителей, этот путь должен характеризоваться не только свойственным странам Запада обеспечением социальной справедливости, равных прав для всех граждан, возможностью самовыражения для каждого (напомним также об устойчивом предпочтении представителями среднего класса «общества равенства возможностей» над «обществом равенства доходов»), но и достаточно активной ролью государства в социальной и экономической сферах, что менее характерно для современного неолиберального западного вектора развития. Интересно, что представители среднего класса чаще, чем россияне из других групп, ощущают свою близость с приверженцами русской культуры: в его «ядре» устойчиво воспринимают себя так половина всех его представителей. *Это подчеркивает роль среднего класса как носителя национальной культуры.*

Сложной и амбивалентной является ценностно-мотивационная характеристика российского среднего класса. Для его «ядра» безусловно преобладание ценностей общества модерна, а именно – *нонконформизм, внутренний локус-контроль, ориентация на инициативу и приоритет равенства возможностей*. Однако при этом сложно говорить об однозначном доминировании этих ценностей у всего среднего класса. Хотя и составляющая меньшинство, но значительная доля его представителей придерживается противоположных, *традиционалистских ценностей*. Средний класс демонстрирует ту же ценностную неоднородность, которая свойственна в настоящий

момент и всему российскому обществу в целом, хотя его представители дальше продвинулись по пути перехода от традиционалистских ценностей к ценностям модерна. Причем *возраст* здесь выступает одним из важнейших *дифференцирующих факторов*. Продвижение представителей среднего класса к ценностям рационально-активистского типа больше всего проявляется в его понимании места и роли государства в социально-экономической сфере: он настроен на сотрудничество с государством в построении сильной экономики, а не на простое перераспределение имеющихся у государства ресурсов, проявляя конструктивный подход и готовность взять на себя ответственность за собственное социальное благополучие. Это особенно показательно при отношении представителей среднего класса к проблеме соотношения личных и общественных интересов. Хотя представления самого среднего класса по этому вопросу неоднородны: так, большинство в нем считает, что личные интересы – главное для человека (60 %), меньшая, но все же достаточно значительная доля его представителей (40 %) уверена, что личные интересы нужно ограничивать во имя интересов страны и общества. В этих условиях запрос к совершенствованию институтов социальной политики со стороны среднего класса будет только нарастать, особенно если учесть, что оценка россиянами динамики состояния социальной сферы за последние годы весьма неблагоприятная. Средний класс реже дает отрицательную, чем положительную оценку динамики ситуации в последние годы только в части решения проблемы безработицы и возможности зарабатывать. Особенно негативно представители среднего класса оценивают состояние таких институтов социальной сферы, как среднее и высшее образование, здравоохранение и т.д. Таким образом, максимально используя при решении социальных проблем свои финансовые и социальные ресурсы, средний класс все же не может самостоятельно справиться с ними в полной мере. Нынешнее состояние социальных институтов скорее вызывает в нем недовольство, нежели дает основание для доверия и стимула к взаимодействию с государством в этой области. Так, исследования по проблеме состоятельности институтов публичной сферы показали, что наибольшую несостоятельность с позиции более чем 80 % опрошенных активных групп общества (бизнеса, НКО-сообщества и власти) демонстрируют *механизмы противодействия коррупции, региональная система здравоохранения, механизмы публичного контроля за деятельностью органов власти и механизмы формирования и отстаивания общественных интересов* [11, с. 77–86]. Особенно велика тревога по поводу состояния трудовой сферы. При нестабильности экономической ситуации наиболее уязвимыми являются трудовые позиции именно

представителей среднего класса. Подобная ситуация лишает средний класс уверенности в своем будущем и блокирует созидательную активность, размывая основы его относительного благополучия. Именно поэтому страх остаться без работы – единственный страх среднего класса, который за последние годы вырос с 24 % среди работающих в 2003 г. до 30 % в 2014 г. Неудивительно, что в этих условиях средний класс предъявляет запрос на более активное участие государства в обеспечении не только функционирования социальной сферы, но и рынка труда в целом.

Российский средний класс потенциально ориентирован на инновационный тип развития, не хочет подсаживаться на «нефтяную иглу» и считает необходимым построение экономики, ориентированной на высокотехнологичное и наукоемкое производство. Только такая модель, по его мнению, обеспечит стабильность его экономического положения и позволит выступать полноценным партнером государства в удовлетворении своих социальных потребностей. Растет запрос представителей среднего класса на меритократическую систему продвижения и саморе-

ализации. Более активистская модель отношения к собственной жизни, ее планированию, рационализация отношений с политической властью указывает на рост его демократических ценностей и ориентаций. Самым существенным общественно-политическим противоречием, которое особенно беспокоит средний класс, выступает противоречие между властью и народом и примыкающее к нему противоречие между гражданами и чиновниками. Причем в определении данного противоречия практически все группы российского населения демонстрируют высокий уровень согласия, что говорит о формировании достаточно широкого *антиэлитного консенсуса*. Как видно из нижеприведенных данных табл. 4, уровень поддержки власти, а также необходимости поддержания стабильности остались примерно на том же уровне, что и год назад, а вот сторонников наведения порядка «твердой рукой» в стране среди представителей среднего класса стало существенно меньше. Причем сокращение это весьма существенное – с 61 до 51 % по среднему классу в целом. Соответственно, выросло число приверженцев демократических ценностей.

Т а б л и ц а 4

Согласие с суждениями населения в целом и среднем классе об отношении к власти, демократии, переменам в обществе в 2013–2014 гг., %

Суждения	2013		2014	
	Население в целом	Средний класс	Население в целом	Средний класс
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	70	76	73	75
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	28	23	27	24
России необходима «твердая рука», которая наведет порядок	62	61	59	52
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах	38	38	40	48
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	68	69	70	69
Страна нуждается в переменам, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	31	31	29	31

Появление в составе среднего класса новых поколений, которые не ведают страха, более образованы и открыты современному миру, включены в сетевые коммуникации, создает мощный запрос на новые стандарты политической свободы, которые ни один политический режим не может игнорировать. Однако средний класс в России лишен пока политической базы, которая бы позволяла активно проявлять его представителям гражданскую и политическую позицию. Как показали наши исследования, он за прошедшие годы накопил значительный критический потенциал по отношению к институтам публичной поли-

тики как социально-экономической, так и социально-политической сферы [там же, с. 75]. Самой чувствительной точкой мобилизации представителей этого класса выступают прежде всего проблемы коррупции, фальсификации обратных связей, неработоспособность судебной системы, отсутствие надежной защиты института частной собственности и разрушение каналов системного представительства своих интересов. В целом же последние исследования ведущих социологических центров страны свидетельствуют о том, что современную молодежь уже не устраивает сложившаяся в России «элитарно-бюрократическая»

модель капитализма, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей» в разных сферах и областях жизни, включая сферу политики. Что касается довольно большого числа сторонников «порядка», то далеко не все из них согласны его наводить путем «закручивания гаек». Действия властей, как показывают исследования, даже самые жесткие, подавляющему большинству россиян видятся исключительно в правовом поле и правовыми методами – даже по отношению к коррумпированным чиновникам и олигархам.

В целом можно отметить, что исследование ИС РАН об особенностях состояния среднего класса в 2014 г. [7, с. 189] зафиксировало две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, сохраняется сравнительно высокий уровень поддержки власти, настроенное отношение к любым переменам, а с другой – происходит постепенное осознание, прежде всего, средним классом, того, что в стране не все благополучно, а курс, проводимый властями, нуждается если и не в радикальной смене, то в существенной корректировке. Думается, одной из причин роста цен-

ности гражданского участия, щепетильности к демократической процедуре и в целом социальному активизму стал приход в политику так называемого поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья картина мира сформировалась в период демократической трансформации. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной демократической риторики, которую они усвоили изначально, а с другой – эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к протесту. Именно эти люди вышли на Болотную и Сахарова, они голосовали за Навального и Ройзмана, и, хотя они не определяют лицо всей российской политики, их присутствие изменило политический ландшафт и публично-символическое пространство, которые сегодня выглядят не так, как это было еще несколько лет назад. Нижеприведенные данные свидетельствуют о том, что представители среднего класса показывают более деятельное отношение к публичной активности (табл. 5), чем остальное российское население.

Т а б л и ц а 5

Участие в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ различных возрастных групп среднего класса и населения в целом в 2014 г., %

Общественные организации, объединения, движения	Население в целом	Средний класс в целом
Волонтерское движение	4	5
Экологические организации	2	2
Благотворительные организации	2	4
Профсоюзы	7	8
МСУ, ТСЖ	4	6
Общество защиты прав потребителей	1	1
Правозащитные организации	2	2
Объединения по защите памятников культуры	1	1
Интернет-сообщества	6	10
Религиозные организации	2	2
Не участвуют в деятельности организаций, движений и пр.	78	71

Особой спецификой отличается *политическая активность* среднего класса в стране. Работа в политических партиях привлекает 2–3 % его представителей, а вот участие в выборных кампаниях в качестве волонтеров (наблюдателей, агитаторов, сборщиков подписей) – более чем в два раза больше – 7–8 %. Сетевая политическая активность оказалась ниже, чем это иногда представляется. Если в целом активным участником сетевой политической активности считает себя каждый десятый опрошенный представитель среднего класса, то лишь 3–4 % из их числа

используют эти сообщества (социальные сети, форумы) для связи со своими политическими единомышленниками. Сравнительно невелика и доля участвующих в политических акциях прямого действия (митингах, демонстрациях) – всего 1–2 %. При этом интерес к событиям политической жизни в среднем классе, в частности в его «ядре», достаточно высок, особенно по сравнению с населением в целом. Постоянно их обсуждают с друзьями, коллегами по работе 27 % представителей среднего класса, 31 % его «ядра» и лишь 21 % всех опрошенных россиян. А в

некоторых группах среднего класса этот интерес существенно выше. В Москве и Санкт-Петербурге практически каждый второй представитель среднего класса (54 %) очень живо интересуется политической жизнью своих городов и страны в целом. Именно в мегаполисах очень велика электоральная активность и недовольство имитацией выборными и демократическими процедурами.

На сегодняшний день представители среднего класса практически лишены собственной политической базы, которая бы позволяла им активно проявлять его представителям гражданскую и политическую позиции [10]. Также следует отметить, что в России нет политической партии, которая представляла бы интересы собственно среднего класса, билась за них. Чтобы получить желаемые голоса на выборах, политическим партиям куда выгоднее делать упор на поддержку пенсионеров и бюджетников. Получается замкнутый круг: представители среднего класса слабо в целом по стране идут на выборы, так как нет партии, на которую они могли бы рассчитывать, а политические партии не стараются завоевать любовь среднего класса, так как его представители не пойдут голосовать. Необходимо также принципиально изменить систему местного самоуправления. Средний класс должен фактически создать кадровый корпус, который туда будет избираться [12, с. 213].

Таким образом, появление и расширение корпуса представителей среднего класса толкает страну к существенным, но постепенным структурным социально-политическим и экономическим реформам. Со стороны его представителей все настойчивее зреет запрос на хорошо работающие институты публичного взаимодействия с политической системой. В этом отношении показательно, что федеральная исполнительная власть начала институциональное движение в сторону сформировавшегося общественного запроса: с января 2014 г. утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ). Концепция, ее методические рекомендации составляют так называемый *Стандарт открытости* ФОИВ. Он направлен на повышение эффективности и результативности мер по совершенствованию системы государственного управления, определенных указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. и Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. Документы предполагают продолжение внедрения механизмов «электронного правительства»; организацию широкого, многоканального доступа к общедоступным ресурсам; выстраивание системы обратной связи с гражданским обществом; внедрение системы внутренней и внешней оценки ФОИВ, влияющей на последующие кадровые, финансовые и иные реше-

ния; упрощение процесса государственного нормотворчества; отражение общественно значимых результатов, на достижение которых направлена работа министерств и ведомств; доведение информации о работе ФОИВ до граждан в понятных форматах. По сути, указом от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования государственного управления» Президент Российской Федерации В. В. Путин наметил «*дорожную карту*» развития общественно-государственного управления, определив содержание нововведений и сроки их реализации.

Что касается социальной сферы, то здесь необходимо множество изменений. Пенсионная система должна быть такой, чтобы человек, начиная свою трудовую жизнь и попадая в средний класс, знал заранее, как он будет жить, когда выйдет на пенсию. Человек должен увеличивать доходы и заработную плату по мере увеличения трудового стажа. Сегодня пик заработной платы приходится на 35 лет, хотя куда логичнее было бы получать максимальную заработную плату перед выходом на пенсию, когда человек достигает максимума своих профессиональных качеств. Пенсионная система должна дать населению уверенность в завтрашнем дне. В настоящее время средний размер пенсии сравнялся с прожиточным минимумом, но он никак не может конкурировать с коэффициентом замещения (соотношение зарплат и пенсии). Нынешняя пенсионная система – инструмент борьбы с бедностью. Большинство представителей среднего класса, выйдя на пенсию, сталкивается с мгновенным четырехкратным сокращением дохода. И если у пенсионера нет других источников дохода, ни высшее образование, ни самооценка не удержат его в рядах среднего класса.

Необходима другая система здравоохранения, которая фокусируется на профилактике и сбережении здоровья. Требуются самые серьезные системные изменения в организации медицинской помощи, техническом перевооружении медицинских учреждений, качественное улучшение кадрового потенциала здравоохранения. Необходимо повысить качество всех ступеней образования. Нужно остановить девальвацию высшего образования и поднять его значимость. Требуется действенная политика по поддержке семей. Одной из важнейших задач в этой области является улучшение жилищных условий. Необходимо создание действенности институтов публичной сферы и межсекторного партнерства, где проявляется общественная активность (общественные и некоммерческие организации) представителей среднего класса. Назрела и системная поддержка малого и среднего бизнеса как одного из возможных источников расширения социальной базы среднего класса. Иными словами, средний класс России, не-

смотря на его активность в решении своих социальных проблем, предъявляет сегодня высокий запрос на рост государственного участия в жизни общества. Такая ситуация обусловлена не столько тем, что собственные ресурсы для обеспечения качественных социальных услуг даже у среднего класса достаточно ограничены, сколько несовершенством ряда базовых институтов решения социальных проблем, обычно используемых в рыночной экономике. При этом запрос на принципиальную помощь со стороны государства, четко артикулируемый средним классом в противовес доминирующей в органах власти концепции адресной социальной политики, в очередной раз свидетельствует о наличии дисбалансов в этой области. Все это позволяет утверждать, что консенсус между государством и средним классом в части их обязательств по решению как социальных проблем, стоящих перед обществом в целом, так и социальных проблем самого среднего класса, до настоящего времени отсутствует, хотя в принципе возможен. Отсутствие его обуславливается не столько какими-то фундаментальными причинами, включая ограниченность финансовых возможностей государства, сколько непониманием взаимных ожиданий. Государство ждет от среднего класса роста его ответственности в решении имеющихся у него социальных проблем, и он в целом к этому готов, хотя ресурсы его недостаточны для принятия на себя всей полноты такой ответственности. С другой стороны, средний класс ждет от государства прежде всего более четких, прозрачных и устойчивых «правил игры» в социально-экономической сфере, которые позволили бы ему повысить эффективность своего финансового участия, особенно в части долгосрочных вложений, а также повышения качества работы социальной инфраструктуры страны и особенно гарантий соблюдения существующего в стране трудового и социального законодательства на фоне экономического роста за счет опережающего развития высокотехнологичных отраслей экономики.

Таким образом, проблема становления и развития среднего класса – это не вопрос материальных доходов. Это вопрос согласованного развития целой системы социальных институтов, от которой зависят и положение среднего класса, и перспективы его роста. Важно создать механизмы вертикальной восходящей мобильности, открыть «социальные лифты», дающие возможность подняться до него другим социальным группам, находящимся ниже существующего среднего класса, и рано или поздно войти в него.

В заключение можно отметить, что средний класс – это не среднеобеспеченный слой, не про-

слойка между богатыми и бедными. Это нормативная и желаемая модель всего общества, совокупность связанных целевых параметров, которые указывают на то, как должна жить основная масса дееспособного населения России. Средний класс – это не цель развития общества. Цель состоит в том, чтобы Россия была страной, где комфортно и хорошо жить всем. «Средний класс – это индикатор успешности движения к данной цели, к превращению России в комфортную, современную страну, которая входит в число самых передовых в мире» [там же, с. 212].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кивинен М. Перспективы среднего класса / М. Кивинен // Социологический журнал. – 2006. – № 2.
2. Castells M. The Information Age : Economy, Society and Culture. – Cambridge, MA ; Blackwell. Oxford, UK : Blackwell, 1996-1998.
3. Мир на грани нищеты, бич развитых стран – неравенство по уровню доходов. – Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/issledovanie-mir-na-granishchety-bich-razvityh-stran-neravenstvo-po-urovnyudohodov?id=66229512>
4. Шкаратан О. И. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда / О. И. Шкаратан, С. А. Иняевский, Т. С. Любимова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1.
5. Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России : 10 лет постсоветского развития / Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2001. – 192 с.
6. Кивинен М. Средний класс в современной России / М. Кивинен // Мир России. – 2004. – № 4.
7. Средний класс в современной России : 10 лет спустя. Аналитический доклад. – М. : ИС РАН, 2014. – 255 с.
8. Тихонова Н. Е. Средний класс : теория и реальность / Н. Е. Тихонова. – М. : Альфа, 2009. – 320 с.
9. Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 г.» 8 февраля 2008 г. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/vladimir-putin-vystuplenie-na-rasshirennom-zasedanii-gosudarstvennogo-soveta-o-strategii-razvitiya-rossii-do-2020-goda>
10. Государство может остаться без опоры. Исследование РБК. – Режим доступа: <http://digest.subscribe.ru/economics/society/n523465624.html>
11. Никовская Л. И. Оценка действенности институтов публичной политики в России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Полис. – 2013. – № 5.
12. Гонтмахер Е. Ш. Средний класс как результат развития общественных институтов / Е. Ш. Гонтмахер // Материалы конференции «Средний класс : проблемы формирования и перспективы роста». – М. : Библиотека Института современного развития, 2008. – 290 с.

Институт социологии РАН

Никовская Л. И., доктор социологических наук, главный научный сотрудник

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Тел.: 8-964-590-90-47

Institute of Sociology RAS

Nikovskaya L. I., Doctor of Sociological Sciences, Head Researcher

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Tel.: 8-964-590-90-47

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

Молокова М. А., доктор политических наук, профессор

E-mail: peggy2007@yandex.ru

Тел.: 8-910-311-58-06

Southwest State University (Kursk)

Molokova M. A., Doctor of Political Sciences, Professor

E-mail: peggy2007@yandex.ru

Tel.: 8-910-311-58-06